

ГРУШЕЧКА

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

К. ВЕДМАНЪ Г.

Цѣна на годъ съ дост. . . . 6 р. — к.
 безъ дост. . . . 5 » — »
 На полгода . . . . . 3 » 50 »
 На три мѣсяца . . . . 2 » — »

Редакція: Малая Подъячская, д. 4, кв. 16.

СОДЕРЖАНИЕ: I. Кастельамаре, Соренто, Капри.
 Е. Бороздиной. — II. Жаворонокъ. (Стих.) Гр. П. И.
 Капниста. — III. Николо Паганини. Э. А. Ангеля. —
 IV. Пѣвцы и пѣвицы-самородки. Л. Хормогорской. —
 V. Бахчисарай. Е. Юнге.

КАСТЕЛЬАМАРЕ, СОРЕНТО, КАПРИ.

(Путешествіе по Итали).

ВЪ КАСТЕЛЬАМАРѢ я пробыла не долго, спѣшила въ Соренто; много сказать о Кастельамарѣ не могу. Гора Сентъ-Анжело выдается мысомъ въ Неаполитанскій заливъ, на этомъ мысу городъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ когда-то стояла древняя Стабія, засыпанная пепломъ Везувія одновременно съ Помпеей. Тутъ

то и писалъ Плиній старшій наблюденія надъ изверженіемъ. Передъ вѣздомъ въ городъ видны груды пепла — остатки когда-то производимыхъ здѣсь раскопокъ Стабіи, которыя давно уже оставлены. Крѣпость, отъ которой городъ получилъ свое названіе Кастельамаре (крѣпость у моря), построена еще въ XIII вѣкѣ. Главная улица города идетъ вдоль морскаго берега, изъ нея расходится множество узкихъ улицъ въ гору; Кастельамаре — любимое лѣтнее мѣстопробываніе неаполитанцевъ. За городомъ все подножіе горы окаймлено прекрасными, тѣнистыми каштановыми аллеями, изъ которыхъ виднѣется Casino Reale королевскій замокъ. Говорятъ, этотъ замокъ окруженъ прекраснымъ паркомъ, но чтобы видѣть его, надо заручиться особеннымъ позволеніемъ, къ тому же мы торопились отъѣздомъ. По мѣрѣ того, какъ удаляешься отъ города, крѣпость и все волнистое побережье ясно обрисовывается на небѣ прозрачномъ какъ кристалъ, вдали, на краю горизонта въ какомъ-то лиловатомъ туманѣ утопаютъ Искія съ своими голыми утесами, точно дремлющая подъ прозрачнымъ покрываломъ. Но, какъ описать это чудесное небо, это лазуревое море!

Почва здѣсь изъ лавы и пепла и необыкновенно плодородна, роскошныя сады, огороды, засѣянные маисомъ поля спускаются вплоть до самаго моря. Невольно вспоминаешь Гомера:

..... богиня плодородія,
Жителямъ вѣющимъ хлѣбъ... Деметра съ кудрями златыми.
Плодъ отдѣляла отъ плевъ, возбуждая дыханіе вѣтровъ!

Дорога отъ Кастельамаре до Соренто идетъ по карнизу горы, нависшему надъ моремъ, опирающемся на отвѣсныя бѣлыя скалы, которыя подъ лучами солнца ослѣпительны. Скалы эти мѣстами раздвигаются и глазамъ путешественника представляются прелестныя долины съ деревнями, утопающими въ садахъ, доходящихъ до самаго моря. Наконецъ дорога спустилась въ Мэту, откуда начинается знамени-

тая сорентская долина *piane di Sorrento*, окруженная съ трехъ сторонъ горами, прорѣзанная множествомъ овраговъ и считающаяся однимъ изъ самыхъ красивыхъ и здоровыхъ уголковъ земнаго шара. Здѣсь только и видны что апельсинныя и лимонныя деревья перемѣшанные съ фиговыми деревьями, миртами и лаврами, между которыми блещутъ ярко красныя цвѣты, тогда какъ изъ трещинъ скалъ торчатъ уродливыя кактусы съ своими розовыми цвѣтами, а у подножія поднимаются величественныя алоэ. Отовсюду вѣетъ ароматомъ.

Не даромъ въ древнія времена эта прелестная долина была любимымъ мѣстопробываніемъ богатыхъ и знатныхъ римлянъ; — тутъ жили нѣкогда: Августъ, Агриппа, Антонинъ Благочестивый. Къ сожалѣнію долина эта не велика и раскинутыя по ней деревни—не богаты. Проѣхавъ нѣсколько деревень и маленькій городокъ Мэту, гдѣ на развалинахъ древняго храма богини Аѳины построена церковь Мадонны дель-Лаура, мы наконецъ вѣхали въ Соренто.

Соренто—древній Сурентумъ—построенъ надъ самымъ моремъ на вершинѣ утеса. Отъ древняго Сурентума не осталось почти ничего, кромѣ нѣсколькихъ развалинъ, носящихъ громкія имена: храмъ Посейдона (Нептуна), амфитеатръ, виллы Полодіо Фелокъ и проч., показываютъ домъ гдѣ родился Тассъ и гдѣ онъ былъ принятъ сестрою своею Корнеліей, когда возвратился на родину, разбитый несчастіями. Изъ этого дома теперь сдѣлали гостиницу *Allegro del Passo*, но въ ней не сохранилось ничего, что напоминало бы великаго поэта Італіи. Мы остановились въ гостиницѣ, окруженной садомъ изъ апельсиновыхъ и лимонныхъ деревьевъ; садъ этотъ оканчивается полукруглой террасою повисшей надъ самымъ моремъ. Весь дворъ вымощенъ голубоватымъ фаянсомъ, который такъ и лоснится подъ лучами солнца. Я пошла бродить по городу, онъ не великъ, улицы узки, но вездѣ апельсиныя и лимонныя деревья. Право подумаешь; что здѣсь ихъ родина. Они растутъ на каждомъ

шагу: около бѣдной хижины, возлѣ полуразрушенной лѣстницы, на гребняхъ каменныхъ стѣнъ, которыя въ свою очередь увиты вьющимися растеніями красными и лиловыми цвѣтами, поросли пассифлорами и кустиками капорцевъ. Все это цвѣтеть, благоухаетъ. Прелестная дорога, обсаженная густыми деревьями, привела меня къ какому-то темному ущелью, въ которое я не осмѣлилась войти, боясь заблудиться и вернулась въ гостинницу. Тутъ мнѣ сказали, что я хорошо сдѣлала, что не вошла въ ущелье, такъ какъ ходить туда очень опасно, потому что въ немъ обитаютъ злые духи. Я устала и пошла отдыхать на террасу. Небо ясное было чисто голубаго цвѣта, а море ярко лазуреваго, оно искрилось и блестело подъ лучами солнца, а тамъ на краю горизонта виднѣются утопая въ прозрачномъ туманѣ Капри и Искія. Весь заливъ, обрамленный роскошной растительностью, кажется огромнымъ бассейномъ, созданнымъ только для того, чтобы принять въ себя это чудное голубое море. По какой-то странной противоположности море это у подножія скалъ принимаетъ изумрудный цвѣтъ, по которому пробѣгаютъ то бирюзовыя, то аметистовыя, то алмазные волны, ну такъ и кажется, что великій богъ морей выбрасываетъ свои драгоценности на удивленіе смертныхъ. Трудно понять эту дивную природу; она на каждомъ шагу пробуждаетъ воспоминанія объ Одиссееѣ и слышатся дивныя строфы Гомера. Такъ и кажется, что только изъ этого лазуреваго моря, около этихъ скалъ, могли являться сирены, волшебное пѣніе которыхъ такъ очаровывало путниковъ, что они погибали. Эти миртовыя, лавровыя и апельсиныя рощи не напоминаютъ ли восхитительнаго жилища свѣтлокудрой нимфы Калипсо.

..... гдѣ свѣтлокудрой

Нимфы обитель была, и ее самое тамъ увидѣлъ,

Пламень трескучій сверкалъ надъ ея очами; весь островъ

Былъ накурень благовоніемъ кедра и дерева жизни,

Ярко пылавшихъ. И голосомъ звонко пріятнымъ богиня

Пѣла, сидя съ челнокомъ золотымъ за узорною тканью.
 Густо разросшись, отвсюду пещеру ея окружали
 Тополы, ольхи, сладкій ліющія духъ;
 Въ лиственныхъ сѣняхъ гнѣздились тамъ длиннокрылыя птицы,
 Кончики, совы, морскія вороны крикливыя, шумной
 Стаей по морю ходящія, пищи себѣ добывая;
 Сѣтью зеленою стѣны глубокаго грота окинувъ,
 Росъ виноградъ и на виноградъ и на вѣткахъ тяжелыя грозды висѣли;
 Свѣтлой струею четыре источника разомъ бѣжали,
 Близко одинъ отъ другаго туда и сюда извиваясь;
 Вкругъ зеленѣли густыя луга, и фіалокъ и злаковъ
 Полныя сочныхъ.

Наступили сумерки. Солнце стало садиться, все пространство рельефно обрисовалось темной полосой, весь свѣтъ сосредоточился на морѣ—пылающая колесница Геліоса *) съ своими огненными конями стала быстро спускаться въ море, торопясь въ золотые чертоги прекрасной Теѣисы **). Наступала ночь, небо стало синимъ, будто бархатнымъ, зажглись звѣзды и выплыла царица ночи, оставляя на голубыхъ волнахъ моря серебряный слѣдъ. Отовсюду вѣяло ароматомъ, у подножія террасы плещущее море, а тамъ не въ далека слышалась пѣснь рыбаковъ, которые приготавливали свои лодки. Никогда не забыть мнѣ этой чудной ночи, но, нѣтъ словъ описать ее.

На другое утро я поднялась рано, чтобы ѣхать въ лазуревый гротъ. Мы взяли барку съ четырьмя гребцами и отправились въ путь. Пока мы плыли вдоль скалистыхъ береговъ полуострова, я любовалась морскими звѣздами, которыя плаваютъ по поверхности воды, такъ что ихъ можно брать руками, а наши лодчики принялись устроить на

*) Геліосъ или Соль у древнихъ грековъ былъ богомъ солнца, они говорили что Геліосъ встаетъ рано утромъ и что Эосъ, богиня утренней зари, перстами возвѣщаетъ о его приближеніи и что онъ въ пылающей колесницѣ на огненныхъ коняхъ несется по небесному своду, а ночью отдыхаетъ въ золотыхъ чертогахъ.

**) Теѣиса—богиня водъ, изъ которыхъ вытекаютъ всѣ рѣки и всѣ источники.

днѣ лодки какое-то мягкое ложе изъ матрацовъ и подушекъ. Я никакъ не могла понять для чего это дѣлается, но скоро должна была испытать всю полезность этого ложа. Барка наша мало по малу начала удаляться отъ берега, вошла въ открытое море, заколыхалась, затрещала, у меня закружилась голова и я не помню какъ очутилась на приготовленныхъ матрацахъ. У меня сдѣлалась морская болѣзнь. Кто испыталъ ее, тотъ знаетъ какъ она мучительна. Я забыла весь міръ, всю красоту природы и взывала къ небесамъ да сократятъ они путь нашъ. Наконецъ барка наша остановилась; я подняла голову, передо мною было какое-то круглое зіяющее отверстіе, похожее на тѣ круглыя отверстія, какія дѣлаются въ собачьихъ конурахъ.

— Что это такое?

— Лазуревый гротъ... Выходите изъ барки и садитесь въ одну изъ этихъ лодокъ.

Барка наша была окружена маленькими лодками. Я вышла и пересѣла въ одну изъ нихъ. Для каждого путешественника была отдѣльная лодка съ гребцомъ.

— Ложитесь на дно лодки, иначе мы не пройдемъ въ отверстіе, сказалъ мнѣ лодочникъ.

Е. Бороздина.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЖАВОРОНОКЪ.

ВЪ БЛЕСКѢ утра, высоко,
Въ небѣ жаворонокъ вьется;
Онъ поетъ—и далеко
Пѣсня звонкая несется.

* * *

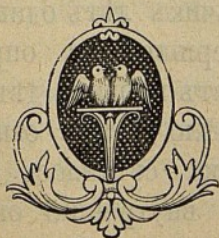
Всю гармонію степей,
Все, что въ нихъ благоухаетъ,
Трелью радостной своей
Пѣсня птички выражаетъ,—

* * *

И напѣвъ внимая тотъ,
Радъ я думать на свободѣ,
Что, живя среди заботъ,
Сердцемъ вѣренъ я природѣ...

Гр. Л. И. Капнистъ.

1855 г.

НИКОЛО ПАГАНИНИ.

(Займст. изъ „Музыкальныхъ сказокъ“ Э. Полко и др. соч.).

ВЕСНА раскинула всѣ чары южной природы надъ окрестностями и городомъ Генуи. Волны разбивались алмазной зыбью на золотомъ пескѣ, другія уносили въ заливъ душистые лепестки померанцевыхъ деревъ, миртъ и розъ. Мягкій, теплый воздухъ, проникая въ грудь, возобновлялъ утраченныя силы, пробуждалъ новыя желанія, новую жизнь. Все съ восторгомъ встрѣчало благодатную весну. Толпа дѣтей играла на пескѣ, ловила серебристую пѣну волнъ, бросала другъ въ друга цвѣтами, раковинами. Рыбаки съ звонкими пѣснями въ маленькихъ лодкахъ безопасно и весело уносились въ синюю даль залива. Все цвѣло, все жило, все радовалось жизни.

Одинъ только мальчикъ лѣтъ одиннадцати казался чуждъ общему счастью. Опершись на опрокинутую лодку, онъ стоялъ одинъ, далеко отъ прочихъ дѣтей и смотрѣлъ на море. Оно искрилось и горѣло всеми огнями заката. Въ темныхъ глазахъ мальчика свѣтилось что-то несвойственное его лѣтамъ. Какой-то внутренній огонь пробивался мрачнымъ блескомъ сквозь черный бархатъ этихъ южныхъ глазъ. Все окружающее казалось имъ забыто, даже море, которое,

раскинувъ передъ нимъ все богатство свое, разсыпало у ногъ его золотистую пѣну.

Вдругъ чья-то маленькая пухленькая ручка сзади обвила его шею, а другая, такая же смуглая рученка сыпала ему на голову душистые цвѣты.

Онъ быстро обернулся и увидалъ смѣющееся личико дѣвочки лѣтъ восьми, стоявшей на камнѣ.

— Злой, гадкій Николо, лепетала она, соскочивъ со своего высокаго пьедестала. Цѣлый день пропадать и не придти къ своей маленькой Джіанетѣ. Мы съ мамой слышали какъ ты съ отцомъ игралъ свои скучныя упражненія, какъ онъ бранилъ тебя; потомъ дверь дома открылась, ты выбѣжалъ и уже болѣе не возвращался. Я знала однако гдѣ тебя найду. Ты это отъ отца убѣждалъ? спросила она, ласкаясь къ нему.

Мальчикъ молча кивнулъ головой. Что-то блеснуло въ его глазахъ

— Ахъ, Джіанета, какъ я несчастливъ, воскликнулъ онъ вдругъ. Повторять вѣчно одно и тоже, заучивать эти ужасныя деревянныя упражненія, ничему новому не учиться, не имѣть возможности развивать свои способности, дать опредѣленную форму всѣмъ мелодіямъ, которыя рождаются у меня въ головѣ, наполняютъ мою душу! Это ужасно! Мнѣ надобенъ просторъ, я задыхаюсь здѣсь, я ничего еще не сдѣлалъ, а мнѣ уже одиннадцать лѣтъ, Моцартъ шести лѣтъ сочинялъ. Нѣтъ, Джіанета, изъ твоего Николо никогда, никогда не выйдетъ путный музыкантъ.

И мальчикъ, задыхаясь отъ волненія, спряталъ свое пылающее лицо на плечѣ Джіанеты, заливаясь горькими слезами.

— Перестань Николо, милый мой Николо, утѣшала она его. Вѣрь мнѣ, ты будешь великимъ, знаменитымъ музыкантомъ. Ты вѣдь и теперь такъ чудно играешь, что прохожіе оставляются подъ окнами вашего дома. А когда ты будешь большой... О тогда ты навѣрно прославишься и наша Генуя будетъ гордиться тобою! А твоя маленькая Джіа-

нета какъ будетъ рада! Тебя забросаютъ цвѣтами, какъ нашихъ великихъ пѣвцовъ, ты лучшіе вѣнки вилетишь въ мои косы, а я, вотъ какъ теперь, положу ихъ къ ногамъ твоимъ, и рѣзушка, раскрывъ свой фартукъ, уронила цѣлый ворохъ померанцевыхъ, миртовыхъ и лавровыхъ вѣтокъ, между которыми красовались роскошныя розы, къ ногамъ своего друга.

Мальчикъ поднялъ гордо свою головку. Счастливая, восторженная улыбка заиграла на его лицѣ. Слѣды недавнихъ слезъ исчезли, точно внутренній огонь высушилъ ихъ.

— Да, да, Джіанета, я хочу быть знаменитымъ! Я хочу чтобы люди со всѣхъ странъ стекались слушать меня. Чтобы шопотъ восторга долеталъ до меня, какъ шумъ далекихъ волнъ и разразился громкой бурей надъ моей головой. Да, я хочу, чтобы эти лавры сплетались вѣнками для моей славы, чтобы положить ихъ на твою голову, моя Джіанета. Но для этого надобно уйти отсюда, надобно учиться, прибавилъ онъ, грустно понутивъ голову.

— Полно же Николо! Не огорчайся. На все придетъ свое время, какъ говоритъ моя мать. А теперь собери-ка мнѣ лучше нѣсколько раковинъ.

Николо поспѣшилъ исполнить желаніе своей маленькой подруги, а она, смѣясь и болтая, старалась развлекать его.

Солнце между тѣмъ все глубже и глубже утопало въ заливѣ.

Джіанета вскочила на камень, чтобы еще разъ увидѣть солнце, и своими темными ручками бросала прощальные поцѣлуи заходящему свѣтилу дня, сопровождая ихъ, какъ истая итальянка, самыми восторженными, цвѣтистыми возгласами.

Какая она была хорошенькая эта маленькая Джіанета, со своими черными локонами и веселыми карими глазками. Какъ любила она бѣднаго, одинокаго Николо! У него отецъ былъ такой строгій, а мать его давно умерла. Жили они на одной улицѣ, другъ противъ друга, да такъ и росли вмѣстѣ.

— Домой надо, а то мама будетъ бояться, объявила вдругъ Джіанета, и уже хотѣла спрыгнуть съ камня.

— Постой, я понесу тебя, сказалъ Николо.

— Ты? засмѣялась Джіанета. Вѣдь я ужъ большая, а ты такой тоненькій, слабый.

— Слабый! О нѣтъ, я силенъ. Погляди!— и мальчикъ вытянулъ свои худыя, мускулистыя руки, схватилъ Джіанету, посадилъ ее къ себѣ на плечо и побѣжалъ къ водѣ.

Теперь я уйду съ тобой въ золотое море, засмѣялся онъ.

— Пѣна ласкала его босыя ноги; брызги высоко летали, когда онъ шаля ступалъ по разбивавшимся волнамъ. Джіанета то пугливо обвивала его шею, то смѣясь старалась ловить летящія золотыя брызги.

Быстрое приближеніе ночи заставило ихъ прекратить игру. Николо опустилъ дѣвочку на песокъ и дѣти рука въ руку пустились въ обратный путь.

II.

Въ одной изъ отдаленныхъ боковыхъ улицъ города, въ дверяхъ небольшого дома стояла женщина, еще молодая и безпечно смотрѣла въ ту сторону, гдѣ наконецъ показались дѣти. Николо и Джіанета быстро побѣжали къ ней. Дѣвочка кинулась на шею матери, крѣпко поцѣловала ее, а Николо, пожавъ руку доброй сосѣдкѣ, простился съ Джіанетой и ушелъ въ домъ, стоящій напротивъ. Тамъ ожидалъ его угрюмый отецъ съ ужиномъ и упреками. Мальчикъ наскоро поужиналъ и быстро поднялся по ветхой лѣстницѣ въ свою комнатку. Окно было открыто, виноградныя лозы заглядывали въ комнату, завѣшивая часть рамы, спускаясь красивой гирляндой по сторонамъ окна. Звѣздное небо искрилось за этой натуральной занавѣскою. Міры молчаливо и равнодушно проходили свой путь въ безвоздушномъ пространствѣ. А люди невольно возводятъ взоры къ этимъ далекимъ звѣздамъ, какъ будто эти мерцающія точки видятъ ихъ горе и радость, со-

чувствуютъ имъ. Мальчикъ подошелъ къ окну и тоже взглянулъ на звѣзды. Вздохъ, тяжелый вздохъ поднялъ его грудь, между черными рѣсницами блеснула слеза. Онъ вытеръ ее рукою, отошелъ къ столу и вынулъ изъ ящика скрипку. Вернувшись къ окну, мальчикъ тихо провелъ смычкомъ по струнамъ и, съ улыбкой ожиданія, посмотрѣлъ на виноградную завѣсу.

Листья чуть чуть зашелестили, задвигались, и изъ подъ нихъ выбѣжалъ большой серебристый паукъ съ крестомъ на спинѣ.

— Здравствуй Серебрянка, сказалъ мальчикъ, поставивъ смычекъ.

Паукъ крѣпко уцѣпился за край смычка и Николо заигралъ. Геній творчества всецѣло овладѣлъ мальчикомъ и унесъ его въ тотъ міръ, гдѣ всѣ тревоги, радости и горести жизни сливаются, сглаживаются, въ безпредѣльной гармоніи, въ міръ созвучія и счастія, къ которому стремилась высокая душа ребенка.

Паукъ неподвижно сидѣлъ на краю смычка, утопая въ морѣ звуковъ. Когда же Николо опустилъ усталую руку, онъ быстро побѣжалъ по струнамъ и пріютился на пальцахъ маленькаго артиста. Мальчикъ ласково взглянулъ на своего безмолвнаго друга, поднялъ руку и, нагнувшись надъ нею, что-то тихо сталъ говорить. Что рассказывалъ онъ Серебрянкѣ въ эти минуты, когда вся душа его еще звенѣла, какъ только что натянутыя струны его скрипки? Все что наполнило эту рано созрѣвшую голову, всѣ мечты, тревоги, сомнѣнья, надежды, вся вѣра въ себя и въ свое призваніе, все то, наконецъ, что не вымолвилъ бы онъ живому человеку, даже подругѣ дѣтскихъ игръ, маленькой Джіанеттѣ,—все высказывалъ онъ своему нѣмому другу.

Долго говорилъ мальчикъ, нагнувшись надъ Серебрянкой, а паукъ благоговѣнно слушалъ, сидя въ своемъ тепломъ уголкѣ, только отъ времени до времени передвигалъ своими длинными ножками. Когда же Николо поднесъ руку къ вино-

граднымъ листьямъ и тихо прошепталъ: „Покойной ночи“, паукъ сбѣжалъ съ его тонкихъ пальцевъ и скрылся въ густой гирляндѣ.

Мальчикъ закрылъ окно, бросился на кровать и скоро заснулъ крѣпкимъ сномъ.

III.

Жизнь Николо до сихъ поръ ничѣмъ особеннымъ не отличалась. Онъ рано потерялъ свою мать. Отецъ его былъ строгій, почти угрюмый человѣкъ, который заставлялъ мальчика много работать, стараясь всѣми силами удерживать увлекающуюся пылкую натуру его въ тѣсной рамкѣ механическихъ упражненій. Чѣмъ больше онъ самъ убѣждался въ необыкновенномъ дарованіи сына, тѣмъ строже относился онъ къ нему, желая выработать эти необыкновенныя способности до высшей степени совершенства. Но мальчикъ изнывалъ подъ этимъ гнетомъ. Техника придавливала къ землѣ его вдохновеніе и онъ задыхался въ ея тискахъ. Единственнымъ утѣшеніемъ его была дружба съ Джіанетой и ея доброй матерью, да вечеромъ тайкомъ отъ отца (онъ такъ думалъ) игра на скрипкѣ и бесѣды съ Серебрянкой. Джіанета тоже забѣгала въ комнатку Николо, принося съ собою цвѣты, веселье и пѣсни. Становилось будто свѣтлѣе и уютнѣе въ этой комнаткѣ, когда дѣвочка показывалась на порогѣ ея. Но Серебрянка не выбѣгала при звукахъ ея пѣсни, напротивъ, паукъ прятался въ чащу листьевъ и даже скрипка Николо тогда не могла выманить его въ комнату. Да и дѣвочка не любила его. Эта маленькая итальянка была страшно суевѣрна, вѣрила въ jettatura, въ колдовство, вѣдьмъ и пр. Пауки, по ея мнѣнію, были заколдованныя вѣдьмы присужденныя ловить мухъ, какъ прежде ловили христіанскія души. За то бѣда если христіанская душа привяжется къ пауку или отнесется къ нему сочувственно. И была глубоко убѣждена, что грусть и бѣдствія Николо были дѣло

Серебрянки. Она часто высказывала ему свое отвращеніе и свои опасенія, но Николо только смѣялся надъ ними. Присутствіе паука вечеромъ въ его маленькой комнатѣ сдѣлалось ему необходимо. Этотъ единственный безмолвный слушатель вдохновлялъ его больше рукоплесканій и криковъ восторга, которые снились въ далекомъ будущемъ его юному воображенію.

Но вдругъ глубокое горе неожиданно, негаданно обрушилось на мальчика и сразу перевернуло всю его жизнь.

Лихорадка злокачественная, смертоносная лихорадка вкралась въ роскошный городъ Геную и заглянула въ домъ его сосѣдокъ. Да! Прелестная, маленькая Джіанета заболѣла, заболѣла опасно, безнадежно.

Бѣдная мать употребляла всѣ средства спасти своего ребенка—напрасно—Джіанета умирала.

Николо какъ убитый сидѣлъ у ея кровати и смотрѣлъ на это воспаленное личико, съ широко раскрытыми, лихорадочно блестящими глазами, которые ничего не видѣли, никого не узнавали. Мать, стоя на колѣняхъ, цѣловала горячія ручки дочери.

Вдругъ Джіанета точно очнулась.

— Мама, сказала она приподнимаясь, зовите Николо!

— Онъ здѣсь, мой ангель.

— Сюда. Подойди ближе, ближе, мой Николо, сказала дѣвочка, обвивая одной ручкой шею опустившагося передъ ней на колѣни Николо. Я умру, мой Николо. Но ты не горюй. Передъ тобою широкій міръ открывается. Онъ ждетъ тебя. Я видѣла, какъ ангелы сплетали лавровые вѣнки для тебя, какъ народы благоговѣнно преклонялись предъ твоей славой. Уходи изъ Генуи и прославься. Жизнь ждетъ тебя, а меня Богородица беретъ къ себѣ, чтобы въ хорѣ Всевышняго я повторяла дивныя пѣсни моего земнаго друга.

Джіанета задыхаясь упала на подушку.

— Мама, пролепетала она еще разъ.

— Николо! и все было кончено, маленькая Джіанета умерла.

Николо какъ безумный выбѣжалъ изъ дома. Гдѣ онъ провѣлъ этотъ день, куда унесъ свое горе—никто не зналъ. Поздно вечеромъ онъ вернулся и осторожно прокрался въ свою комнату. Окно было открыто, но не звѣздное небо блѣдно сіяло за виноградной занавѣской. Красноватый свѣтъ восковыхъ свѣчей падалъ изъ оконъ сосѣдняго дома. Тамъ лежала она—блѣдная, холодная, безжизненная. Дѣтскій гробикъ утопалъ въ цвѣтахъ, у изголовья его старый монахъ, надвинувъ на лобъ свой темный капюшонъ, читалъ молитвы, перебирая четками.

Мальчикъ стоялъ у окна блѣдный похолодѣвшій; сухіе глаза его горѣли мрачнымъ блескомъ, губы были плотно сжаты. Но вѣрно ангелы, о которыхъ говорила маленькая умершая, сжалились надъ его сосредоточеннымъ тяжелымъ горемъ и поднесли чашу облегчающихъ слезъ. Мальчикъ упалъ на колѣни передъ открытымъ окномъ и горько зарыдалъ. Долго рыданья потрясали его слабую грудь. Наконецъ, онъ началъ успокоиваться, но вмѣстѣ съ успокоеніемъ тяжелое чувство одиночества вкралось въ его душу. Онъ одинъ—одинъ на свѣтѣ! никого у него нѣтъ.

Вдругъ что-то легко коснулось его руки.

— Серебрянка, воскликнулъ мальчикъ. Бѣдный, я тебя и забылъ.

Онъ поднялъ голову, посмотрѣлъ на умершую, она какъ бы улыбалась среди цвѣтовъ и вдругъ вскочилъ, вынулъ скрипку, посадилъ Серебрянку на смычекъ и не спуская глазъ съ блѣднаго личика Джіанеты, заигралъ въ послѣдній разъ для мертваго друга въ родной своей Генуи.

Тихо плача запѣла скрипка среди темной ночи. Она говорила о томъ, чего не въ силахъ выразить человѣческое слово, о томъ, что живетъ глубоко въ затаенномъ уголкѣ души, она говорила о миломъ потерянномъ прошломъ, о дѣтскомъ невинномъ счастьѣ. А жизнь открывалась впереди широко, полная блаженства, мечтаній, отчаянныхъ слезъ и звуки потокомъ понеслись, все шире и шире разли-

вался въ прозрачномъ воздухѣ, всеобъемлющимъ чувствомъ охватывая вселенную, силой геніальности уносясь къ престолу Всевышняго.

А маленькая уснувшая съ блаженной улыбкой лежала среди цвѣтовъ и свѣчей. Монахъ молчалъ, голова его ниже наклонилась, четки выпали изъ рукъ. Ему казалось, что хоры ангеловъ поютъ надъ ними, что своды небесные разступились...

Заря занялась и розовымъ свѣтомъ озарила лежащаго безъ чувствъ мальчика на полу маленькой комнаты. Въ рукахъ его была скрипка—крѣпко вцѣпившись въ струнахъ висѣлъ мертвый паукъ.

Когда на генуэзскомъ кладбищѣ засыпали землею прахъ маленькой Джіанеты, всѣ удивлялись не видя Николо.

Въ это время изъ стѣнъ города выходилъ блѣдный, черноглазый мальчикъ. Онъ несъ длинноватый ящикъ въ рукахъ и маленькій узелокъ висѣлъ за его плечами.

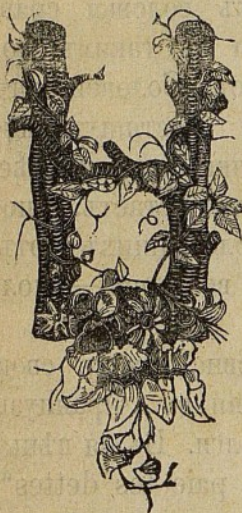
Этого мальчика звали Николо Паганини.

Р. А. Энгель.

ПѢВЦЫ И ПѢВИЦЫ-САМОРОДКИ.

А МОЙ взглядъ, или вѣрнѣе сказать на мой слухъ, пѣвчія птицы—это самая лучшая краса природы, и я бы охотно примѣнялъ двухъ знаменитыхъ пѣвицъ на одну малиновку, и пожалуй, моднаго тенора, двухъ баритоновъ и трехъ басовъ на одного соловья. Я большой поклонникъ этихъ прелестныхъ, граціозныхъ созданій, и поссорился однажды не на шутку съ моимъ стариннымъ пріятелемъ, который угостилъ меня вмѣсто дичи зажаренными снигирями обвернутыми въ шпекъ.

Всѣ тѣ, которые имѣютъ возможность жить въ деревнѣ, на чистомъ воздухѣ, подъ лучами солнца, въ тѣни садовъ, вѣроятно примѣняли къ дѣлу и пользовались остроумнымъ изобрѣтеніемъ знаменитаго своею ученостію шведскаго ботаника Линнея, который придумалъ замѣнить часовыя стрѣлки цвѣтами, потому въ какой часъ какой цвѣтокъ распускается и издаетъ ароматъ. Я, въ свою очередь, сталъ наблюдать теченіе времени при посредствѣ Божьихъ пташекъ, музыкальными часами ихъ пѣньемъ отлично можно руководиться въ лѣсу и въ рощахъ. То, что

Линней примѣнилъ къ цвѣтамъ, я примѣнилъ къ птицамъ. Линнею — область утонченныхъ ароматовъ, мнѣ — область звуковъ и мелодій.

Раньше всѣхъ запѣваетъ соловей. Онъ взялъ собѣ ночные часы и трелями своими даетъ знать полночь. Это единственный изъ всѣхъ пернатыхъ музыкантовъ, который поетъ ночью, покуда природа засыпаетъ. Всѣ остальные птицы ожидаютъ разсвѣта; имъ недостаточно слышать, имъ надобно видѣть другъ друга. Раннимъ утромъ, прежде всѣхъ поетъ зябликъ. Лучшія его пѣсни можно услышать во второмъ часу по полуночи. За нимъ вслѣдъ назначено полчаса пѣнія для малиновки-черноголовки; это любимица природы, ее можно назвать примадоной, какъ соловья сравнить съ знаменитымъ теноромъ, но только съ такимъ, который вѣчно молодъ и постоянно въ голосѣ. Соловей могъ бы считать опасной для себя соперницей блестящую пѣвицу малиновку, еслибы легкія у этой птички были сильнѣе, и дыханіе болѣе продолжительно; но она скоро устаетъ, и послѣ нѣсколькихъ поразительно-звучныхъ, блестящихъ нотъ, она, довольная тѣмъ, что привела всѣхъ въ восторгъ, — умолкаетъ.

Отъ половины третьяго до трехъ, посвистываетъ свою пѣсенку перепелка. Странный у нея напѣвъ. Французы увѣряютъ, что она напоминаетъ платить долги. Въ ея пѣньѣ слышится какъ бы слова: „paie tes dettes, paie tes dettes“. На французскомъ языкѣ, крикъ перепелки звучитъ дѣйствительно точно такъ, какъ эта фраза. По русски же, слова: „плати долги, плати долги“, нисколько не напоминаютъ крикъ перепелки.

Въ три часа перепелка замолкаетъ и до половины четвертаго настаетъ очередь малиновки красногрудки. Хотя голосъ ея не такой блестящій какъ у сестры ея малиновки черноголовки, но все же онъ очень пріятенъ, нѣкоторыя нотки особенно звучны и серебристы.

Потомъ является на сцену черный дроздъ. Въ срав-

неній съ другими птицами, его можно назвать просто лѣн-
теемъ. Концертъ у него начинается не раньше половины
четвертаго. Всѣмъ извѣстно какой силою и звучностью от-
личается его голосъ, но можетъ быть не всѣ знаютъ до ка-
кой степени дрозды переимчивы и паметливы на все что слы-
шать.

Разсказываютъ одинъ случай бывшій съ знаменитымъ ли-
тераторомъ Дюро; онъ держалъ у себя въ клѣткѣ дрозда и
занимался его обученіемъ. Когда птица выучила безъ
ошибки напѣвъ Марсельезы, Дюро открылъ окно и пустилъ
ее на волю. Освобожденный дроздъ сталъ оглашать дубраву
извѣстною пѣснью *Rouget de l'Isle*:

Между братьями дрозда нашлось столько подражателей,
что почти всѣ они оказались горячими патріотами, конечно
такъ же бессознательно, какъ бы они пѣли какой нибудь
комичный водевильный куплетецъ.

Отъ половины пятаго до пяти, даетъ свой концертъ си-
ница-черноголовка: діапазонъ ея голоса далеко не об-
ширенъ, у нея нѣсколько острыхъ и пронзительныхъ нотъ
и только.

Воробей, отличающійся шаловливостью, просыпается
поздно, онъ любитъ выспаться какъ человѣкъ, которому
нечего дѣлать, и онъ хочетъ сократить длинное утро. Во-
робей знаетъ, что успѣетъ продѣлать всѣ свои каверзы, най-
детъ время предаться свойственной ему: непомѣрной жад-
ности, хищничеству и всякаго рода дерзостямъ. Не ранѣе
какъ въ пять часовъ поднимаетъ онъ свое чириканье и го-
ворить слишкомъ понятнымъ языкомъ, чтобы потребовалось
дервиша-переводчика какъ въ извѣстной сказкѣ „О двухъ со-
вахъ бесѣдующихъ между собою“. „Вотъ и я проснулся...
стерегите свои зерна, день у меня начинается, пусть они
плохо не лежатъ“!...

Отъ шести часовъ уже нѣтъ особенно назначеннаго времени
для извѣстныхъ птицъ; солисты не выступаютъ больше
на сцену; дирижера не слушаютъ, каждый поетъ когда и

какъ вздумается; кто въ цвѣтушихъ кустарникахъ, кто взвиваясь въ голубое поднебесье, подъ вдохновеньемъ солнца, ароматнаго воздуха,—всего, что красить веселую, беззаботную жизнь птицъ.

Д. Холмогорская.

БАХЧИСАРАЙ.

Изъ переписки двухъ товарищей.

МЫ РАЗСТАЛИСЬ съ тобою, милый Коля, давши другъ другу слово переписываться, да развѣ можно бы было иначе? Сколько лѣтъ провели мы съ тобою рядомъ на школьной скамьѣ, сколько лѣтъ не имѣли другъ отъ друга тайны, и вдругъ—разъѣхаться, замолчать и сдѣлаться чужими! Нѣтъ, этого никогда не будетъ! Я думаю о тебѣ при всякомъ новомъ впечатлѣніи, такъ и хочется всѣмъ подѣлиться съ тобою. Пишу тебѣ изъ Крыма, изъ этой прекрасной страны, о которой мы съ тобой такъ часто мечтали.

Помнишь ли какъ мы читали съ тобой „Бахчисарайскій Фонтанъ“ Пушкина, какъ представляли себѣ роскошную обстановку ханскаго дворца, Марію и Зарему? Помнишь ли какъ была хороша твоя сестра, когда представляла молящуюся Марію, какими чудными волнистыми прядями рассыпались ея густые, бѣлокурые волосы по бѣлому платью! Я

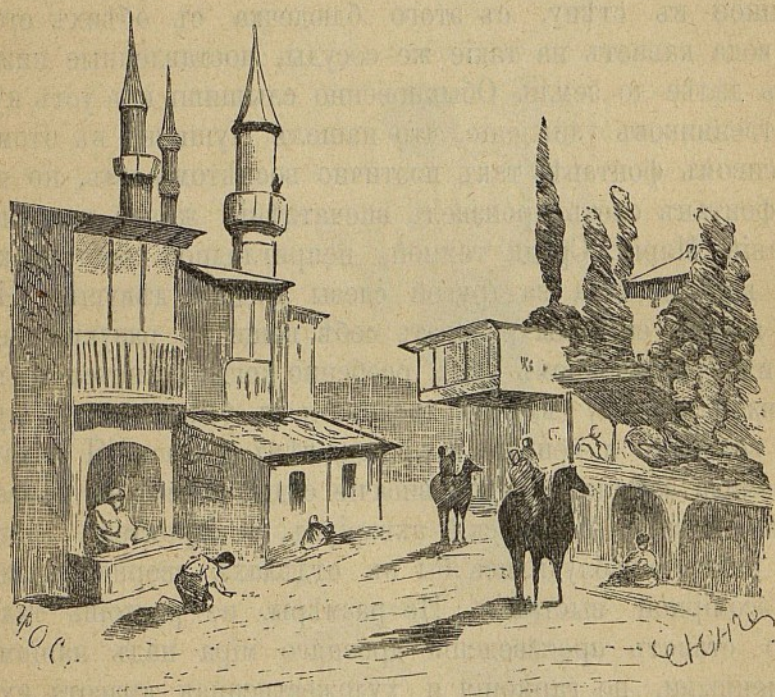

совсѣмъ замечтался, сидя въ вагонѣ: мнѣ казалось, что я прокрадываюсь во вражескій лагерь, что вотъ хватаютъ меня и влекутъ передъ грознаго хана крымскаго Гирея, а за золотой рѣшеткой гарема уже блеснуло мнѣ личико... Какъ вдругъ услышалъ рядомъ съ собою голосъ Ивана Ивановича, который говорилъ мамашѣ: „позвольте представить вамъ Н. А. Крымъ-Гирея“. Я даже привскочилъ на мѣстѣ и невольно оглянулся на сѣвшаго рядомъ съ нами господина. Потомокъ крымскихъ хановъ былъ человекъ средняго роста, въ легкомъ лѣтнемъ пальто и разговаривалъ очень любезно съ мамашей по-французски!

Поѣздъ остановился, на платформѣ раздался голосъ кондуктора: „станція Бахчисарай—5-ть минутъ!“ Мы вышли, кликнули извозчика и велѣли ѣхать во дворецъ. Это во „дворецъ садовъ“, разукрашенный всеми чудесами тысячи и одной ночи—на извозикѣ!! Я былъ совершенно сбить съ толку, но наконецъ овладѣлъ собою и сталъ замѣчать все меня окружающее, рѣшившись не вдаваться болѣе въ поэзію. Улицы Бахчисарая сохранили восточный характеръ: грязныя, съ выдающимися деревянными балконами, съ открытыми лавченками и татарами, сидящими съ поджатыми ногами и жарящими шашлыкъ прямо на улицѣ. Вѣроятно такимъ же былъ Бахчисарай во время крымскихъ хановъ и также раздавался тогда крикъ муэзина съ минарета дворцовой мечети. Мы остановились въ самомъ дворцѣ и когда, устроившись, вышли погулять, уже всходилъ мѣсяцъ. При лунномъ свѣтѣ дворъ бахчисарайскаго дворца, съ круглыми куполами его мечетей и ханскихъ могилъ, съ темными тѣнями его высокихъ тополей, съ тихимъ журчаніемъ фонтановъ, дѣйствительно позволяетъ замечтаться, но при солнечномъ сіяніи, поэзія улетаетъ вслѣдъ полной грезами ночи. На ханскомъ дворѣ слишкомъ много людей въ европейскомъ костюмѣ, дорожки и лужайки распланированы слишкомъ по современному. Самъ дворецъ такъ реставрированъ, что рѣшительно не даетъ возможности перенестись въ прошедшее. Иванъ Ивановичъ по-

казывалъ мнѣ, что кое-гдѣ сохранились остатки древней живописи на стеклѣ, орнаментовъ на карнизахъ и мозаики на полахъ. Это можетъ быть интересно для археологовъ и художниковъ, но мое впечатлѣніе было все таки—разочарова-

Улица Бахчисарая.

ніе. Что меня удивило—это малые размѣры дворца: знаменитый гаремъ такъ малъ, что трудно себѣ представить какъ помѣщались тамъ ханскія жены; садъ гарема обыкновенный татарскій садикъ, обнесенный кругомъ высокой стѣной, съ прибавкой небольшого четырехугольнаго бассейна

посрединѣ. Знаменитый, воспѣтый Пушкинымъ „Фонтанъ слезъ“ находится въ одномъ изъ внутреннихъ помѣщеній дворца, похожемъ на сѣни или переднюю, въ самомъ темномъ, прохладномъ углу выступомъ на стѣнѣ не особенно красивой архитектуры. Это одна изъ обыкновенныхъ восточныхъ выдумокъ: въ маленькой нишѣ, между орнаментами продѣлано отверстіе, изъ котораго сочится вода и каплями падаетъ на мраморное блюдечко, также вдѣланное въ стѣну, съ этого блюдечка съ обѣихъ сторонъ вода капаетъ на такіе же сосуды, поставленные ниже и такъ далѣе до земли. Обыкновенно слышишь изъ устъ путешественниковъ удивленіе, что нашелъ Пушкинъ въ этомъ некрасивомъ фонтанѣ, такъ поэтично воспѣтомъ имъ, но на меня фонтанъ слезъ произвелъ впечатлѣніе живой картины страданій Маріи. Среди темной, неприглядной обстановки также капали одна за другой слезы бѣдной дѣвушки. Но люди всегда склонны рисовать себѣ вещи въ разукрашенномъ или увеличенномъ видѣ, особенно когда коснется древней жизни, а между тѣмъ въ древности въ большинствѣ случаевъ все было и меньше и проще, чѣмъ у насъ. Я думаю Семирамида забыла бы свои висячіе сады, еслибъ ее привести—ну, хоть въ берлинскій акваріумъ, а строители лабиринта навѣрно заблудились бы въ отдѣлахъ дворца парижской всемірной выставки. Не размѣры, не роскошь такъ высоко ставятъ произведенія древняго міра надъ нашими современными, но гармонія и художественная красота ихъ формъ.

Мы толковали объ этомъ обо всемъ, сидя за чайнымъ столомъ на балконѣ дворца. Разговоръ нашъ былъ прерванъ звуками плохой скрипки; наклонившись, мы увидѣли стараго татарина, который поджавши ноги усѣлся на траву и началъ выпиливать на своей скрипицѣ „Возлѣ рѣчки, возлѣ моста“. Татаринъ вѣроятно былъ удивленъ какъ странно мы отнеслись къ его любезности, попросивъ его перестать. Когда же мы велѣли ему сыграть что нибудь татарское, онъ на

чалъ пѣть довольно однообразныя и тоскливыя мелодіи, изъ которыхъ впрочемъ одна колыбельная пѣснь намъ довольно понравилась. Вдругъ старикъ пересталъ пѣть, темпъ его игры оживился, сталъ походить на нѣчто плясовое, на сцену явился какой-то мальчуганъ и угостилъ насъ дѣйствительно интереснымъ зрѣлищемъ: татарской пляской. Эта пляска состоитъ

Татарскій танецъ.

(Рисунокъ Э. Юнге).

изъ самыхъ томныхъ и граціозныхъ движеній, похожихъ на какое-то потягиваніе, которыя чередуются съ самымъ бѣшенымъ „трепака“. Мальчикъ и пускается въ присядку, и вертится, и прыгаетъ, и вьется и вдругъ точно замретъ и опять начинаетъ лѣниво и граціозно потягиваться. Намъ бы дольше хотѣлось любоваться на этотъ оригинальный танецъ, но ло-

пади были готовы, намъ нельзя было медлить, надо было успѣть до вечера осмотрѣть Успенскій монастырь и Чуфутъ-Кале.

Чуфутъ-Кале.

Чуфутъ-Кале — это развалины древняго города караимовъ, потомковъ одного изъ колѣнъ израилевыхъ, отдѣлившихся отъ прочихъ евреевъ и поселившихся здѣсь, по ихъ словамъ, еще до Рождества Христова. Но историческія подробности не вмѣщаются въ письмо, ты найдешь ихъ въ путешествіи Евг. Маркова по Крыму и въ тѣхъ книжкахъ, которыя я посылаю тебѣ, теперь же буду просто описывать, что я видѣлъ.

Лошади намъ попались веселенькія, но ѣхать скоро не пришлось, такъ какъ мы отъ самаго Бахчисарая стали подниматься. Мы издали любовались Успенскимъ монастыремъ и рѣшили заѣхать въ него на возвратномъ пути. Болѣе часа мы поднимались; скалы и камни безъ всякой растительности окружали насъ и природа становилась все безотраднѣе и безотраднѣе. Солнце сильно палило; понутивъ голову, карабкались лошади; какіе-то татарскіе мальчишки всю дорогу бѣжали за нами, вѣроятно, въ надеждѣ на подачку. Жалко было смотрѣть на ихъ худобу и рубища, на пыль, приставшую къ ихъ потнымъ лицамъ, мы пробовали давать имъ денегъ и отсылать ихъ обратно, но они не унимались и все бѣжали за нами. Въ мѣстности насъ окружающей, казалось, не могло жить ни одно живое созданье: даже ящерицъ не было видно на раскаленныхъ бѣлыхъ камняхъ, только орелъ разъ показался и исчезъ въ воздухѣ, какъ бы густомъ, нависшимъ надъ головами. Становилось невыносимо, мы почти жалѣли, что поѣхали, какъ завернувъ за какую-то каменную глыбу, намъ представилось зрѣлище, заставившее забыть всѣ трудности пути.

Передъ нами открылась панорама необъятной ширины,

скатертью раскинулся остовъ громаднаго города. Развалины его домовъ, храмовъ и гробницъ были какъ мраморъ, бѣлы какъ окружающіе его утесы, бѣлы какъ растилающаяся за нимъ пустыня. Ни одно черное или зеленое пятнышко не разнообразить тяжелый блескъ сожженной солнцемъ почвы, ни одно движеніе, ни одинъ звукъ не прерываетъ мертвую тишину, среди которыхъ покоится скелетъ роскошнаго, усопшаго города.

Лишь далеко, далеко, за цѣлымъ рядомъ бѣлыхъ кражей и долинъ, вблизи горизонта лежитъ узкая, синяя полоса моря, одна напоминающая, что есть еще гдѣ-то жизнь... Величіе этой картины преобладаетъ даже надъ чувствомъ грусти, которое она возбуждаетъ: какой-то торжественный трепетъ овладѣваетъ зрителемъ, невольно думаешь о Палестинѣ...

Долго мы стояли молча, долго не слышали голоса нашего проводника; наконецъ, опомнились и поѣхали дальше уже по улицамъ города. Онъ всѣ въ развалинахъ, всѣ мощенныя большими плитами, кое-гдѣ еще сохранились цѣлыя домики новѣйшей постройки, въ родѣ татарской, тоже оставленные своими жильцами. Одинъ только обитаемъ и къ нему подѣхали мы теперь. Важнымъ, серьезнымъ поклономъ привѣтствовалъ насъ длиннородый пожилой караимъ (раввинъ, какъ узнали мы потомъ) и ввелъ насъ въ комнату съ чѣмъ-то въ родѣ деревянныхъ хоровъ, отдѣляющихъ одну изъ ея верхнихъ частей. Онъ подаль намъ нѣсколько книгъ и брошюръ, предлагая познакомиться по нимъ съ исторіей города, пока жена его принесетъ намъ молока и хлѣба—все, чѣмъ онъ можетъ угостить насъ. Брошюры говорили о быломъ величій города, о разныхъ его достопримѣчательностяхъ и о рѣдкостяхъ, собранныхъ раввиномъ Фирковичемъ. Но мы не успѣли, конечно, прочесть ихъ и съ аппетитомъ набросились на свѣжее молоко и сѣрый татарскій хлѣбъ, который принесли намъ двѣ полныя, чистоплотныя женщины. Пока мы закусывали, хозяинъ нашъ рассказалъ намъ,

что послѣ смерти Рабби Фирковича, который похороненъ тутъ-же въ такъ называемой Иосафатовой долинѣ, остались въ мертвомъ городѣ только двѣ семьи, что имъ грустно и трудно тутъ жить, но что они останутся тутъ, чтобы не дать заглухнуть ихъ храму, что самъ хозяинъ нашъ до послѣдняго издыханія будетъ совершать въ немъ богослуженіе.

— Ну, а потомъ? спросили мы, послѣ васъ все тутъ заглухнетъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ съ увѣренностью, найдется ктонибудь на мое мѣсто. Онъ показалъ намъ синагогу, которая дѣйствительно содержалась въ полномъ порядкѣ, гробницу татарской царевны, умершей отъ любви къ гяуру и разныя другія достопримѣчательности города. Мощенныя улицы, тысячи домовъ, великолѣпные храмы и памятники, просторныя тюрьмы, устроенныя въ пещерахъ, — все свидѣтельствуетъ о роскошной жизни и многолюдствѣ, но просто не вѣришь своимъ глазамъ, такъ странно кажется, что люди могли построить такой городъ, такъ высоко надъ уровнемъ моря, въ такой пустынѣ. А между тѣмъ многія пещеры, въ которыхъ у караимовъ были устроены тюрьмы, на стѣнахъ своихъ носятъ слѣды каменныхъ орудій и свидѣтельствуютъ о существованіи здѣсь человѣка въ до-историческій періодъ.

Нашъ проводникъ караимъ предложилъ показать намъ древнее кладбище, такъ называемую Иосафатову долину, мы сѣли на лошадей и послѣдовали за нимъ. Спустившись немного, глаза наши были пріятно поражены видомъ зелени и, приблизившись, увидѣли передъ собою долину цвѣтущую въ полномъ смыслѣ этого слова. Густые дубы и каштаны бросали тѣнь, одинъ видъ которой заставлялъ ощущать прохладу; по вѣтвямъ спускались вьющіяся розы, и, опутывая собою бѣлые мраморные памятники, прятались въ высокой, сочной травѣ. Казалось, тамъ въ городѣ кладбище, а здѣсь образъ обновленной жизни. Такъ время заставляетъ забывать всѣ невзрачныя стороны человѣка, всѣ отягощавшіе его въ жизни труды и страданья, очищаетъ его отъ всего

второстепеннаго, мелочнаго, и передаетъ потомству только память его свѣтлыхъ, безсмертныхъ дѣлъ. Въ этомъ кладбищѣ, очищенномъ смертію и временемъ отъ всего житейскаго и мелочнаго, осталось одно мирное, свѣтлое, вѣчное..

Все видѣнное мною привело меня въ настроеніе самое серьезное, я все думалъ объ этихъ падшихъ народахъ, объ этихъ разрушенныхъ городахъ и дворцахъ, отъ которыхъ остались одни кладбища, пока мы не подъѣхали къ Успенскому монастырю.

Трудно описать тебѣ этотъ монастырь и трудно не-видавши ничего подобнаго понять, что это такое. Представь себѣ отвѣсную скалу и въ ней на разной высотѣ, самымъ несимметричнымъ образомъ расположенныя, выдолбленныя въ камнѣ ниши, различныхъ размѣровъ, различной глубины, а мѣстами цѣлыя гrotты и галлерей, все это соединенное между собой разными лѣсенками и высѣченными въ скалѣ дорожками. Издали это представляется стѣной из-пещерной углубленіями и дырами. Меньшія изъ этихъ углубленій или нишъ—кельи, большія—церкви. Послѣднихъ можно узнать по маленькимъ надстройкамъ, крестамъ и живописи на каменной стѣнѣ.

Къ главной церкви монастыря ведетъ что-то въ родѣ балкона, выстроеннаго надъ пропастью, и каменный корридоръ. Въ самой пещерѣ необтесанные камни окружаютъ тебя, на нихъ написаны святыя, а въ глубинѣ, простой незатѣйливый иконостасъ. Какъ все бѣдно и мизерно въ сравненіи съ Чуфутъ-Кале или даже съ Бахчисараемъ. Точно гнѣзда ласточекъ лѣпятся по скаламъ бѣдныя кельи этихъ нищихъ монаховъ! Великіе народы, громившіе своимъ оружіемъ и славой—мертвы, а здѣсь въ этихъ темныхъ пещерахъ шевелится жизнь. Они живутъ, все живутъ—эти бѣдные пустынники монахи, все живутъ и разносятъ по міру слово Христово, слово равенства, прощенія и любви, живое слово, оказавшеея тверже мрамора и порфира!

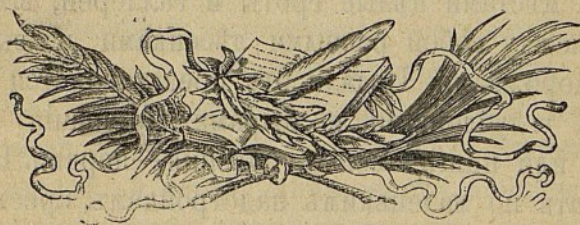
Но я давно уже вижу насмѣшливую улыбку, которою ты любишь угощать меня, когда я замечтаюсь или, по твоему выраженію, „зафилофствуюсь“.

На сей разъ прощаю тебѣ твою улыбку, такъ она живо напомнила мнѣ тебя, веселаго, милаго, котораго я горячо цѣлую.

Твой любящій тебя Саша.

Кіевъ, 8-го мая 1881 года.

Е. Юнге.

**XIV-й годъ. ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА 1883 годъ**

**на иллюстрированный журналъ литературы,
политики и современной жизни,**

выходящій еженедѣльно, т. е. 52 номера въ годъ.

(болѣе 2.000 рисунковъ и чертежей, 2.000 столбцовъ текста)

съ ежемѣсячнымъ приложеніемъ „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“.

около 500 модныхъ рисунковъ въ годъ, 400 выкроекъ чертежей въ натуральную величину и 300 рисунковъ рукодѣльныхъ работъ).

ПРЕМІЯ НА 1883 г.: БОЛЬШАЯ НОВАЯ КАРТИНА В. И. ЯКОБІЯ ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ:

„КОРОЛЬ-ЖЕНИХЪ“

ПЕЧАТАННАЯ МАСЛЯНЫМИ КРАСКАМИ.

**ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, ВЪ КОНТОРѢ РЕДАКЦІИ, ПО БОЛЬШОЙ
МОРСКОЙ, Д. № 9.**

Подписная цѣна за годовое изданіе „НИВЫ“

съ правомъ на полученіе всѣхъ безплатныхъ премій втеченіе 1883 года.

**Безъ дост. въ С.-Петербургѣ 4 р. — к.   Безъ дост. въ Москвѣ черезъ отд.
конт. „Нивы“ у Н. Печковской 5 р.**

**съ доставкою въ Москвѣ и др.
городахъ и мѣстечкахъ Имперіи 6 р.
За границу . . . . . 8 р.**

ВЪ БУДУЩЕМЪ 1883 ГОДУ кромѣ множества заготовленныхъ нами художественно исполненныхъ гравюръ, будетъ, между прочимъ, помѣщена **НОВАЯ ПОВѢСТЬ ИВАНА СЕРГѢЕВИЧА ТУРГЕНЕВА**, которую онъ надѣется доставить намъ въ редакцію нынѣшнюю зимою.

Кромѣ того мы обычаемъ нашимъ подписчикамъ печатать въ „НИВѢ“ 1883 г. **новый историческій романъ**

Всеволода Сергѣевича Соловьева.

„СТАРЫЙ ДОМЪ“

(Романъ-хроника четырехъ поколѣній).

Романъ этотъ составляетъ **ПРОДОЛЖЕНІЕ** романовъ: „Сергій Горбатовъ“ и „Вольтерьянецъ“, помѣщенныхъ въ „НИВѢ“ 1881 и 1882 гг. и имѣвшихъ такой успѣхъ среди нашихъ читателей. Дѣйствіе новаго романа происходитъ въ послѣдніе годы царствованія Императора Александра I.

Также находится уже у насъ въ портфелѣ прекрасная новая повѣсть автора „Переселенцы“ **В. Д. ГРИГОРОВИЧА „ГУТТАПЕРЧЕВЫЙ МАЛЬЧИКЪ“**, и кромѣ того мы имѣемъ цѣлый рядъ капитальныхъ литературныхъ произведеній, изъ которыхъ пока помнемъ только слѣдующія: „**ПОДЪ КОЛЕСОМЪ**“—новый романъ изъ современной жизни **Н. Д. АХШАРУМОВА** (автора романа „Во что бы ни стало“); „**ВЪ ЦВѢТАХЪ**“—большая повѣсть автора „Купленное счастье“ **Н. МОРСКАГО**; „**БАГРОВАЯ ПЫЛЬ**“—большая повѣсть **П. ПЕТРОВА**; „**ПОЛКОВНИКЪ ИЗЪ ЗОЛОТООШИ**“—историческій романъ изъ эпохи греческаго возстанія **Н. КИРИЛОВА** и многія другія. Сверхъ того на будущій 1883 годъ мы выдадимъ всѣмъ годовымъ подписчикамъ очень большую роскошную олеографію съ новой картины извѣстнаго русскаго художника профессора **В. И. Якобія**

«КОРОЛЬ-ЖЕНИХЪ»

Картина эта написана по заказу „НИВЫ“; сюжетъ заимствованъ изъ историческаго романа, помѣщеннаго въ „НИВѢ“ 1882 года „**ВОЛТЕРЬЯНЕЦЪ**“, вс. с. **СОЛОВЬЕВА**, имѣвшего такой большой успѣхъ. Великолѣпныя копія-олеографіи будутъ такого-же огромнаго размѣра, какъ и премія 1882 г., именно 1 арш. 2 1/2 вершка высоты и 14 1/4 верш. ширины.

Желающихъ подписаться на будущій 1883 годъ „НИВЫ“ просятъ заблаговременно обращаться въ главную контору редакціи „НИВА“ **А. Ф. Марксу** въ С.-Петербургѣ, Большая Морская ул., д. № 9. Издатель „НИВЫ“ **А. Ф. МАРКСЪ**.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ИГРУШЕЧКА“

ДЛЯ ДѢТЕЙ ОТРОЧЕСКАГО ВОЗРАСТА.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Журналъ „Игрушечка“ допущенъ министерствомъ народнаго просвѣщенія для библіотекъ начальныхъ училищъ и женскихъ гимназій и прогимназій и ученымъ, при святѣйшемъ синодѣ, комитетомъ для чтенія воспитанниковъ духовныхъ училищъ, а также воспитанницъ женскихъ епархіальныхъ училищъ.

Условія подписки на 1883 годъ:

На годъ съ доставкою и пересыл. 6 р. } На полгода съ дост. и пер. 3 р. 50 к.
„ „ безъ доставки и перес. 5 „ } „ „ безъ дост. и пер. 3 „ — „

За-границу 7 рублей.

Подписка принимается: для иногородныхъ, исключительно, въ редакціи журнала «Игрушечка», Малая Подъяческая, д. № 4, кв. № 16, а для городскихъ въ книжномъ магазинѣ А. И. Бортневскаго, Уголь Троицкаго и Графскаго переулка.

Полные экземпляры за 1882 годъ продаются въ редакціи по 6 руб. съ дост. и пер.—за 1880 и 1881 г. всѣ экземпляры разошлись по подпискѣ.

Редакторъ-издательница Т. ПАСЕКЪ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ИЗДАНИЕ

НА 1883 ГОДЪ,

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, для иногородныхъ исключительно въ редакціи журн., по Большой Подъяческой, д. № 7.

Для городскихъ—въ книжныхъ магазинахъ Мамонтова въ С.-Петербургѣ и въ Москвѣ. ДЕВЯТЬ руб. съ пересылкою.

Подписавшіеся по 15-е декабря 1882 г. получать бесплатно книгу:

„ЦАРИЦА ПРАСКОВЬЯ“

очеркъ изъ русской исторіи М. И. Семеvскаго, новое дополненное изданіе, съ портретомъ царицы Прасковьи, отпечатанный красками.

На пересылку книги требуется пять почтовыхъ марокъ (35 коп.).

Одиннадцатый 1883-й годъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ

„ОРЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

ВЪ 1883 Г.

Выходитъ ежедневно подъ тою-же редакціей и по прежней программѣ, въ составъ которой входятъ всѣ обычные газетные отдѣлы.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

За годъ съ доставкой въ Орелъ или пересылкой въ другіе города. 7 р.   За полгода съ доставкой въ Орелъ или пересылкой въ другіе города. 4 р.

Подписка принимается: въ г. Орлѣ, въ редакціи газеты «Орловскій Вѣстникъ»; Зиновьевская, собственный домъ.

Редакторъ-издатель А. ЧУДИНОВЪ.

ОБЪ ИЗДАНИИ

„Церковно-Общественнаго Вѣстника“

въ 1883 году.

Съ 1882 года „Церковно-Общественный Вѣстникъ“ превращенъ въ ПОЛУЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНИЕ и выходитъ аккуратно черезъ день, исключая времени скопления нѣсколькихъ праздниковъ въ недѣли Св. Пасхи и Рождества Христова.

Задача нашего изданія—отмѣчать по возможности все, такъ или иначе касающееся духовенства и могущее интересоваться его въ жизни церковно-общественной и вмѣстѣ съ тѣмъ дать возможность свѣтскимъ людямъ поближе познакомиться съ духовной средой и ея нуждами и потребностями, содѣйствуя тѣмъ сближенію между обществомъ и духовенствомъ. Но этимъ не ограничивается задача „Церковно-Общественнаго Вѣстника“: рядомъ съ вопросами о духовенствѣ и въ томъ же объемѣ, мы принимаемъ участіе и въ обсужденіи текущихъ общественныхъ и политическихъ вопросовъ, въ смыслѣ упроченія принциповъ правды, законности, свободы и общаго прусылія челоуѣчества. Откровенно и съ полною независимостію сужденія высказываясь по тѣмъ или инымъ выдвигаемымъ жизнью вопросамъ, существеннымъ образомъ затрагивающимъ интересы духовенства и общества, мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, всегда охотно даемъ мѣсто всякому честному голосу изъ среды духовенства и общества, особенно же заявленіямъ и запросамъ людей опыта, стараюсь содѣйствовать постоянному обмѣну мыслей между читателями газеты, ея редакціей и постоянными сотрудниками. Постоянная и горячая нравственная поддержка со стороны нашихъ многочисленныхъ читателей въ теченіе 9-ти лѣтняго существованія газеты и сочувствіе къ ней въ большинствѣ органовъ, какъ духовной, такъ и свѣтской прессы, даетъ намъ увѣренность, что и на будущее время они не откажутъ намъ въ этой поддержкѣ и сочувствіи.

Для лицъ, незнакомыхъ съ нашимъ изданіемъ, считаемъ нужнымъ замѣтить, что „Церковно-Общественный Вѣстникъ“ наравнѣ съ другими газетами выходитъ безъ предварительной цензуры и не имѣетъ никакого отношенія къ духовному вѣдомству. Просимъ также не смѣшивать наше изданіе съ журналомъ „Церковный Вѣстникъ“, издающимся при здѣшней духовной академіи.

По примѣру прежнихъ лѣтъ при Церковно-Общественномъ Вѣстникѣ въ 1883 г. будетъ изданъ въ видѣ бесплатнаго приложенія „Календарь для духовенства“, въ которомъ, кромѣ необходимыхъ календарныхъ свѣдѣній, будутъ помѣщены практическія указанія и справочныя свѣдѣнія на разнаго рода случаи общественной жизни духовенства.

Условія подписки на „Церковно-Общественный Вѣстникъ“ на годъ 8 руб., на полгода 4 руб. 50 коп., на три мѣсяца 2 руб. 50 коп., на мѣсяць 1 р. Годовая цѣна за-границей 10 руб.—Отдѣльные номера по 10 коп.

Требованія на газету слѣдуетъ адресовать: въ редакцію „Церковно-Общественнаго Вѣстника“, въ С.-Петербургѣ, Троицкій пер., домъ № 3, кварт. № 5.

Объявленія для напечатанія въ газетѣ принимаются въ конторѣ редакціи въ размѣрѣ 10 к. за мѣсто, занимаемое строкой пелита. За разсылку отдѣльныхъ объявленій взимается по 5 р. съ тысячи экземпляровъ.

Редакторъ-издатель А. И. Поповицкій.

V годъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1883 ГОДЪ.

Годъ V.

«ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ МІРЪ»

БОЛЬШОЙ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ
съ роскошными преміями и разными бесплатными приложеніями.
Выходитъ въ 1883 году по прежней программѣ, въ количествѣ 52 №№ въ годъ,
въ форматѣ большихъ иллюстрацій.

Въ годъ два большихъ тома въ 1200 страницъ и около 1000 гравюръ.
Въ 1883 году будетъ особенно подробно описано и иллюстрировано пред-
стоящее

Коронованіе ИХЪ ИМПЕРАТОР- СКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ въ Москвѣ.

Въ теченіи года всѣ подписчики журнала «Иллюстрированный Міръ»
получаютъ безплатно:

ДВѢНАДЦАТЬ ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ ПРЕМІЙ,
„НОВѢЙШІЯ ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“.

Всѣ годовые подписчики получаютъ главную большую премію
прекрасную **ОЛЕОГРАФИЧЕСКУЮ** картину:

**Юаннъ Грозный въ опочивальнѣ Васи-
лисы Мелентьевны.**

На исполненіе главной преміи ассигновано 20,000 рублей.

Подписная цѣна за годовое изданіе «Иллюстрированнаго Мира»
съ правомъ полученія всѣхъ премій и приложеній:

Безъ доставки въ С.-Петер-
бургъ . . . . . 6 р.
Съ доставкою въ С.-Петер-
бургъ . . . . . 7 р.

Безъ доставки въ Москвѣ
чр. контору Л. Метцля . 6 р. 50 к.
Съ пер. во всѣ гор. Россіи. 8 р.
За-границу . . . . . 10 р.

Для служащихъ допускается разсрочка за ручательствомъ гг. казначеевъ и
управляющихъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С.-Петербургѣ, въ главной кон-
торѣ редакціи журнала „ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ МІРЪ“, по Нико-
лаевской ул., д. № 48. Въ Москвѣ, въ отдѣленіи конторы, при Центральной
конторѣ объявленій Л. Метцля, Петровка, д. Солодовникова.

Выходить въ 1883-мъ году подъ НОВОЮ РЕДАКЦІЕЮ

XXII ГОДЪ. Открыта подписка на 1883 годъ. ГОДЪ XXII.

„МОДНЫЙ МАГАЗИНЪ“

САМЫЙ ПОЛНЫЙ И ДЕШЕВЫЙ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ МОДНЫЙ И СЕМЕЙНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Съ роскошными преміями, приложеніями и раскрашенными картинами.

Выходить въ 1883 году ВЪ ТРЕХЪ ИЗДАНІЯХЪ, всего въ годъ

24 нумера модныхъ, выходящихъ 1 и 15 числа каждого мѣсяца и заключающихъ рисунки самыхъ новыхъ парижскихъ модъ дамскихъ и дѣтскихъ, рукодѣлій, работъ и проч., съ описаніями.

24 нумера литературныхъ, выходящихъ 8 и 22 числа каждого мѣсяца и составляющихъ отдѣльный литературно-художественный журналъ съ прекрасными гравюрами для семейнаго чтенія.

24 нумера отдѣльныхъ приложеній, выходящихъ при литературныхъ нумерахъ и заключающихъ роскошнѣйшіе рисунки послѣднихъ парижскихъ модъ.

Кромѣ разсылаемыхъ въ теченіи года бесплатныхъ приложеній, какъ-то: раскрашенныхъ рисунковъ канвовыхъ, тамбурныхъ и другихъ работъ, рисунковъ въ русскомъ стилѣ, патроновъ, выкроекъ, нотъ и пр., годовые подписчики всѣхъ трехъ изданій получаютъ точчасъ при подпискѣ прекрасную

ПРЕМІЮ, роскошную олеографическую картину:

„ПЕРВЫЙ ПОЦѢЛУЙ НОВОБРАЧНЫХЪ“.

(Улучшенное изданіе извѣстной картины „Наконецъ одни!“)

Гг. иногороднымъ подписчикамъ эта премія высылается съ № 1 «Моднаго Магазина».

Цѣна годовому изданію „Моднаго Магазина“ на 1883 годъ:

I изданію съ двѣнадцатью раскрашенными парижск. картинами и со всѣми приложеніями и преміями: безъ доставки въ Спб. 5 р., съ доставкой въ Спб. и для иногородныхъ 7 р.

II изданію съ 24 раскрашенными парижск. картинами и со всѣми приложеніями и преміями: безъ доставки въ Спб. 6 р., съ доставкой въ Спб. и для иногородныхъ 8 р.

III изданію съ 36 раскрашенными парижск. картинами и со всѣми приложеніями и преміями: безъ доставки въ Спб. 8 р., съ доставкой въ Спб. и для иногородныхъ 10 р.

ВЪ МОСКВѢ безъ доставки: I-му изданію 5 р. 50 к., II-му изданію 6 р. 50 к., III-му изданію 8 р. 50 к.

Для служащихъ допускается разсрочка за ручательствомъ гг. казначеевъ и управляющихъ.

Пробные нумера: № 1 (модный) № 2 (литературный) выйдутъ въ декабрѣ 1882 года.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ редакціи „МОДНАГО МАГАЗИНА“, по Николаевской ул., д. № 48.

Издатель „Моднаго Магазина“ и „Иллюстрированнаго Мира“ **В. П. Турба.**

Вогатый выборъ рукодѣлій и работъ.

Доволено цензурою. С.-Петербургъ, 27 ноября 1882 г.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. № 11—2.

Роскошныя преміи, приложенія, раскрашенныя картины и проч.

Модный и литературно-художественный журналъ для чтенія.